

Глава первая

— Парню обязательно надо помочь! Куда он без матери с таким-то диагнозом? — уговаривала Валентина Петровна свою дочь Яну Карловну Цветкову.

— Ну, а я-то тут при чем? Это же сын твоей подруги, ты ему и помогай! — отвечала Яна, нервно затягивая длинные светлые волосы в хвост.

— Ты же знала тетю Клаву! Как ты так можешь? Яна, на тебя же всегда можно положиться!.. — продолжала уговаривать дочку Валентина Петровна.

Яна, конечно, знала тетю Клаву с детства. Они с матерью были не то чтобы подругами, но очень хорошими знакомыми. Тетя Клава пришла к ним в театр на должность актрисы и проработала так полгода, а потом с ней начались странности. Она периодически задумывалась, впадала в странный ступор минут на пять, а также прямо на сцене

Матвеева Луиза

стала терять память и забывать текст. А это уж совсем никуда не годилось... Сначала коллеги простили, потом напряглись, а после никто уже не хотел выходить с Клавдией на сцену и позориться там с ней или выкручиваться, проявлять смекалку. Особенно если учесть, что артисты в труппе были все возрастные и блистать смекалкой не сильно рвались, — учить там в довесок к своим и чужие роли, чтобы подсказывать по ходу пьесы. Клаву, конечно, было жалко, произошло это с ней, когда ее беременную бросил сожитель и исчез в неизвестном направлении. Какая женщина не расстроилась бы?..

«Но не до такой же степени! Не до сумасшествия! — возмущалась тогда мама Яны. — Мужики этого не стоят!»

Яна знала, что мама у нее — та еще железная леди. Когда-то влюбилась в своего коллегу Ивана Демидовича и, забеременев от него собственной Яной, поняла, что для семейной жизни этот бабник, красавчик и балагур совсем не предназначен. Это ж кем надо быть, чтобы понять такое в состоянии влюбленности? А тут под боком тихий и спокойный плотник, подсобный рабочий сцены с интересным именем Карл. Особенно если учитывать, что работал он с деревом и, к тому же, давно смотрел на приму сцены влюбленными глазами... Ва-

лентина и решила, что это будет идеальным вариантом мужа для нее. Главное ведь, чтобы любили ее, а не она. Яну Карл удочерил, воспитывал как свою. Мало того, Яна узнала, что она биологическая дочь другого человека, с кем провела всю закулисную жизнь в играх и забавах, когда ей было уже за сорок. Видимо, это был тот самый возраст, когда от подобных новостей даже легкого шока не испытывают.

Однако вернемся к Клавдии. Из театра ее не уволили, оставили работницей на подхвате. Она рассаживала зрителей в зале, продавала билеты, помогала в буфете... И как-то так втихую лет под сорок Клава родила сына, ну вот совсем не известно от кого. Как ее только ни пытались вывести на откровенный разговор, Клава молчала как партизан на допросе и лишь загадочно улыбалась, отдаленно напоминая Мону Лизу. Маму Яны такое поведение Клавды раздражало, но даже она, проявляя весь свой артистический дар, не смогла докопаться до правды о рождении сына Клавды, которого та еще и назвала Валериан.

Клавдия частенько приводила его в театр, так как дома не с кем было оставить. Яна знала его плохо, так как был он совсем маленький, а она к тому времени уже окончила институт в своем Волжске и уехала в Москву, где и обосновалась. Но

Матвеева Луиза

периодически слышала про этого Валериана от мамы, дескать парень растет несколько странно-ватым. Впрочем, оно и понятно — от яблони апельсины не рождаются. Странная мама, странный сын...

— А что за диагноз? — спросила Яна.

— Хотели шизофрению поставить, но обошлось расстройством аутичного спектра, — понизила голос Валентина Петровна, словно разглашала государственную тайну.

— Прекрасно! Пусть как-то лечится. Я-то тут при чем?! — все еще не понимала Цветкова.

— По доброй воле в больницу он не ложится, как, впрочем, многие люди с расстройствами. А состояние обострилось.

— Мне его очень жалко, но я не психиатр. У меня, конечно, есть связи, могу узнать, как положить его в очень хорошую клинику.

— Яна, ты не думай, что он сумасшедший! Он школьную программу в двенадцать лет освоил и до двадцати пяти лет имеет три высших образования. Клава не могла оторвать его от учебы, чтения книг, компьютера... Не гулял, никуда не ходил, со сверстниками особо не общался. Люди ведь не любят тех, кто так отличается от них, да и Валериану с ними было неинтересно.

— Понятно, почему он того... — хмыкнула Яна.

В джезде только гижик-пижик

— Тебя он знает, помнит, а значит, доверится, будет общаться. Ты — яркая, красивая, сможешь увлечь его, повести за собой! — с каким-то прямо пафосом заговорила Валентина Петровна.

А у Яны сложилась картинка: она в кожанке, в красной косынке и с маузером в руке лезет на баррикады, а за ней маячит какой-то псих. Она даже потрясла головой, чтобы отбросить эти мысли.

— Куда я поведу? Потом не факт, что я произведу на него именно такое положительное впечатление. И где его мама? Почему обеспокоена именно ты? — спросила Яна.

— Так в больнице Клавдия. Очень волнуется за сына, меня просит...

— Ну, а ты что? Тебя-то он больше знает, чем меня.

— Яночка, ты же знаешь! У меня сейчас начинаются гастроли, наши любимые гастроли в Санкт-Петербурге. Я в нескольких постановках в главных ролях...

— А театр для тебя — жизнь? — добавила Яна вопросом.

— Ты же сама все понимаешь!

— А у меня нет работы?

— Ты частенько с нее уезжаешь, и ничего... Ради благого-то дела...

Материя Луизиана

— Мой сын у своего отца, — сказала Яна, имея в виду старшего сына Вову от своего третьего и, заодно, четвертого и последнего брака.

Их отношения с Ричардом, занимающимся бизнесом, в свое время напоминали агонию, когда каждый давал другому много шансов, но это ни к чему не приводило. Потом у нее закрутился серьезный роман с князем из Чехии Карлом Штольбергом, а Ричард смог найти свое тихое, семейное счастье с женщиной Людмилой, которая родила ему дочь. Но своего сына Вову Ричард никогда не бросал. Отцом он был безупречным, впрочем, как и Люда, очень хорошо относившаяся к детям. Вова полгода жил с матерью, полгода — с отцом. Учился он за границей.

— Вот! Вова пристроен, — с преувеличенной радостью закивала Валентина Петровна.

— Вова у меня, матери-ехидны, всегда пристроен. Хорошего отца я ему выбрала. А Настю с Евой куда? — спросила Яна у матери, имея в виду своих младших детей.

Страстные отношения с князем Карлом закончились разрывом из-за того, что Яна не видела себя его женой, не хотела рожать наследника для старого и почитаемого чешского рода и никогда не хотела покинуть Россию. После длительной депрессии из-за расставания с Яной он женился на

какой-то девушке, которая родила ему дочь Настю. Поняв, что жить с ней не будет, не сможет, Карл заплатил ей очень много денег и оставил дочь себе. Единственной женщиной его жизни была Яна, и он снова принялся ее добиваться. Яна даже на какое-то время вернулась к нему, жила с ним и маленькой Настей в его роскошном замке, но не простила и, конечно, окончательно никогда бы к нему не вернулась. И потом этот его поступок по отношению к той мимолетной жене, Настинной маме, которую князь цинично использовал практически как суррогатную мать!.. Это вообще было за гранью добра и зла. Так что вскоре они расстались навсегда.

А в скором времени Яна впервые в жизни по-настоящему влюбилась в потрясающего мужчину по имени Мартин и родила Еву.

Карл Штольберг неожиданно погиб, мама Насти на очень длительный срок попала в тюрьму, и Настя, их маленькая дочка, осталась совершенно одна. Из всех взрослых Настя знала только Яну, которая прошла все круги ада, чтобы удочерить ее. Яну, естественно, обвиняли в корысти, в том, что она желает удочерить не просто девочку Настю, а наследницу огромного состояния, титула и всевозможных привилегий, с ним связанных. Яну как раз все это никак не интересовало. Она согласилась

Матвья Луизицева

подписать все бумаги, по которым ни на что материальное не претендовала, а просто становилась матерью для Насти, которая во все свои права и владения вступит лишь с наступлением совершеннолетия и станет чешской принцессой, княжной, продолжательницей старинного рода Штольбергов. А ее приемная мать, то есть Яна, может пользоваться всеми этими вкусняшками, жить в замке, тратить содержание Карла Штольберга, выделенное в большом количестве на дочь и Яну. Он ведь успел и завещание составить. А вот продавать что-либо из доставшегося наследства и передавать третьим лицам она, по настоянию чешских властей, не может. Яна с радостью подписала бы что угодно, лишь бы Настя уже осталась с ней. Так и получилось. Насте семь лет. Еве годик с небольшим.

— Ты же знаешь, что Агриппина Павловна и няня вполне справятся, посидят с девочками, приглядят, — сказала Валентина Петровна.

Иногда Яна просто поражалась наивности своей матери.

— Понятно, что моя Агриппина Павловна, моя любимая и единственная домоправительница, делает для меня все. Она помогла... Да что там! Выростила Вову! Давай теперь навалю на нее еще и моих девочек!

— Яночка, ну, это пару недель, ну, месяц!..

— Месяц? — округлила свои большие голубые глаза Яна. — Ты серьезно? Ты со мной не сидела! Многие так делают, и родителей не винят. Они дорастают до ума и истинного материнства только на внуках и отдают тот долг, что до конца не смогли отдать на детях. А ты? Бабушка! Нет, ты не хочешь посидеть с внуками, ты у меня звезда и актриса до конца! До гробовой доски! — пафосно закончила она.

Валентина Петровна правой рукой изобразила какой-то нервный тик и молча вышла из комнаты. Яна закатила глаза, понимая, чем все это грозит.

— Мама! Ну, постой! Куда ты?

Она поволокалась за матерью в кухню, где и нашла ее, тихую, сторбленную, маленькую, протирающую марлей, смоченной водой и, явно, своими горькими слезами, жирные колючие листья алоэ. Периодически она морщилась от укулов растения, но продолжала мучиться.

— Мама, прекрати!

— Ты не любишь меня.

— Люблю.

— Я многого тебе недодала.

— Ты дала даже больше, чем мне надо было.

— Издеваешься? — хмыкнула Валентина Петровна.

— Немного... Я понимаю, что это такое — уйти с роли в театре, уйти совсем. Извини, я понимаю.

— Правда? — обрадовалась Валентина Петровна. — У меня есть шанс стать хорошей бабушкой?

— Скорее, бабушкой-праздником! Девочки тебя обожают. Всегда рады, — успокоила ее Яна.

— Яна, ну, у них, у Евы, есть и другая бабушка... И отец! Мотается в Москву каждые выходные, туда-сюда, словно маятник. Долго ты над мужиком издеваться будешь?

— Не знаю, мама... Перегорела как-то... Я так полюбила его, впервые захотела выйти замуж сама, по доброй воле. И, получив это предложение после рождения дочери, восприняла как то, что он делает это исключительно из-за нее, — пояснила Яна.

— Дурочка ты. Он что, до Евы тебе предложения не делал? — спросила мама, прищурив глаза.

— Делал. И не раз, вроде... — отвернулась Яна.

— Ну, так?!

— Не знаю, все время что-то мешало. Что ты, не помнишь, что ли? Наши с ним отношения кого хочешь сломают. А я тебе что? Железная?

— Ты разлюбила Мартина? — Валентина Петровна мгновенно поменяла образ сломленной и обиженной женщины на женщину непонимающую и возмущающуюся совершенно искренне.

— Нет, конечно! Я — счастливый человек, я нашла свою половинку. Я всегда буду любить его, — ответила Яна.

— Ну, так... Мартин только рад будет Еве.

— Мама! Он рад будет и Насте! Он не разделяет девочек. Сестры — значит, сестры. Это человек широкой души и большого сердца. Он никогда даже мне не говорил о том, что против удочерения или еще чего-то. Это было мое решение и его полное принятие.

— А ведь девочки даже не сестры, — задумалась Валентина Петровна. — Родители Насти — твой бывший любовник Карл и не очень хорошая женщина, а Евы — ты и Мартин...

— Только им не надо об этом говорить. Когда я жила с Карлом, Настя так сильно привязалась ко мне, что иначе как мама меня и не называла. И когда Карл погиб, я что должна была сделать? Бросить ее? Да я относилась к ней как к дочери. Она единственной моей отдушиной была в том замке, — ответила Яна, опуская тот момент, который Валентина Петровна и так знала.

Карл Штольберг в борьбе за Яну применил не очень честный прием, и она была вынуждена находиться с ним рядом.

— Я-то не против. Настя — очень милый ребенок, и я вижу, что ты любишь ее...

Матвеева Луизица

— И семья Мартина, а это он и его мама, подруга твоя Стефания Сергеевна, тоже это понимают и очень любят Настю. Хорошо, я попрошу Мартина и Стефанию посидеть с девочками пару недель. А что я им скажу? Где я буду это время?

— Стефания так рада будет общению с внучкой, что никаких лишних вопросов тебе не задаст. Чем на дольше ей оставишь, тем лучше.

— Она-то да, а вот Мартин, с его ревностью, вполне может поинтересоваться.

— Скажешь, что легла на пластическую операцию, — предложила Валентина Петровна.

— Не поверит, он знает, как я к этому отношусь. Или отговаривать начнет.

— Скажи, что летишь на какой-нибудь стоматологический симпозиум.

— Тоже особо не летала. У меня врачи все опытные, все с сертификатами, заботятся о повышении своей квалификации, а я давно не стою, если так можно выразиться, у станка. Чего мне вдруг куда-то лететь?

— Не знаю, Яна! Придумай что-нибудь! Ну, не говорить же ему правду, что ты полежишь немножко в психушке?

— Что?! — переспросила Яна.

Глава вторая

Не любила Яна вспоминать тот разговор с матерью, потому что дальнейшие события развивались не совсем так, как ей хотелось. Сама она предпочла бы, чтобы Валентина Петровна обошла ее с этой просьбой стороной или просто каким-то волшебным образом отстала бы. Но мама прямо клещом в нее вцепилась. Она это умела! И все ведь вышло так, как мама и хотела.

Яна осмотрелась. Светлые обои в легкую голубую и салатную полоски, дешевый, лаконичный светильник на потолке, одиночное бра на стене. Односпальная, строго застеленная кровать, тумбочка возле нее, узкий шкаф для одежды, маленькая раковина с небольшим круглым зеркалом над ней и стол со стулом, — вот вся скудная обстановка, окружающая ее на данный момент. Яна — женщина за сорок, высокая и очень худая, такая,

